Славься, жизнь!

Рензо Новаторе

1920

«Без компромиссов. Жить целостно, полно, красиво, бесстрашно». – Иоганн Вольфганг фон Гёте

Уверен, никогда не поймут меня те, кто хотя бы единожды не погружался в бездны мрачнейшей печали, кого не стискивал в своих объятьях делирий чернейшего отчаяния и кто не отваживался лицом к лицу побеседовать со смертью, дабы открыть затем в Преступлении высшее вдохновение того момента, что возвышает и очищает сильную, героическую жертву, готовую любить, томиться и сгорать от страсти. Любой, кто влачил своё жалкое существование, с головой погрузившись в повсеместную липкую грязь обыденной и пошлой посредственности, где прозябают смиренные и бессильные кроты, оскоплённые трусливой привычкой к рутине, не сможет понять, – пусть даже облачившись в пурпур, – поистине дьявольский вопль, издаваемый теми, кто жаждет прокусить до крови чистую и порочную губу свободной и разнузданной жизни.

И если, по словам Прудона, «печаль – это источник глубочайшего знания», или, как говаривал Локк, она есть «движущий принцип, побуждающий нас ко всякому действию», понимать это следует так, что печаль – единственный и величайший источник жизни и не что иное, как безудержное и пульсирующее действие, ненасытная жажда к познанию. Какое имеет значение, если, воспарив на бурных крылах наших философических и неистовых изысканий, мы достигнем лишь грозного откровения в безудержном чаянии Ничто и осознания бессмысленности Всего, органического? Разве не в силах ты разглядеть пылающий в вышине костёр, разожжённый нами, чтобы предать кремации любые фантазмы? Разве не видишь ты, как наши физические и духовные жизни вновь торжественно взмывают ввысь под звуки радостной оды, воспевающей ослепительное великолепие Солнца?

Кто же более всего достоин триумфально восславлять жизнь, если не тот, кто живёт, не ожидая помощи ни от каких богов и ни на что не уповая? Кто же ещё вправе зваться Героем, нежели тот, кто сражается, пребывая в полном и невозмутимом осознании пустоты и тщетности всего?

Я знаю, что золото, слава и любовь не смогут даровать мне Счастье. Но, несмотря на это, моя любовь к Жизни дышит самым пронзительным счастьем, и я желаю прожить

её бесстрашно. А то, что другие зовут «пороком», «преступлением» или «грехом», в горниле моей необузданной природы преобразуется в неистощимый источник искренности и чистоты. В моих глазах равенство перед богом, каким предстаёт закон, или народом, каким предстаёт человечество, являет собой величайший абсурд, вершину всего немыслимого абсурда. Любой, кто подвергает, скажем, Бодлера или Шелли тому же остракизму или наказанию, что уготованы обычной уличной шпане, лишь потому, что они якобы повинны в тех же «преступлениях», совершает поступок, аморальность которого блекнет даже в сравнении с буржуазной моралью. Глубокий запой Леопарди не идёт ни в какое сравнение с пьяным загулом неотёсанного мужика, а ересь, изречённую святым, не следует путать с той пошлой ересью, что изливается из уст безбожника.

Всякий мой поступок обречён оставаться моим, пусть даже он неотличим от поступка или тысяч деяний другого.
Одно деяние, но разные мотивы. Я – это я...

Даже две пары уст, сливающиеся воедино в волнительном трепете одного поцелуя, и два нагих тела, изогнутых вдруг в общем спазме, сплетая единую гирлянду Любви, вибрируют, всё же, как две разные ноты и подобно двум разным мирам, заключённым в двух жизнях, хотя бы и сцепленных и перепутанных. Мои ощущения остаются моими, даже когда я объят одним с тобой пламенем и замерзаю, блуждая с тобой по холодным вершинам. Созерцая прекрасную наготу женского тела, когда другой воспылал бы чувственной страстью, переполняясь желанием её утолить, мой взгляд, взгляд художника, открыл бы, напротив, редчайший и деликатнейший повод к тому, чтобы создать чистейшее произведение Искусства. Проще говоря, тот мир, что простирается у наших ног, представляет собой нечто, безусловно, единственное в своём роде, – и то же самое можно сказать о нас самих, – и всё же, каждому из нас открывается собственный, ни с чем не сравнимый, мир. А значит, существует лишь тот мир, каким мы его создаём. И, создавая свой мир, мы создаём свою жизнь...

Я творец мира и собственной жизни. Я творец самого себя, и я же самого себя разрушитель.

И только из любви к этой странной и трагичной игре я прославляю и воспеваю жизнь и хочу объять её во всей её священной полноте, не соглашаясь ни на какие компромиссы, – жить опасно!

В беседах со Смертью мне открылась эта глубокая, новая любовь к жизни. Смерть поведала мне о том, о чём я вовек не узнал бы из книг. «Живи! – наказала мне она. – И если хочешь, чтобы жизнь твоя была глубока, свободна и чиста, напои её ароматом вечного Греха. А когда жизнь того пожелает, принеси мне своё чело. Мои розы черны и никогда не увядают».

Отбросив холодный рассудок и всякую зловещую мораль, я прославляю жизнь, жизнь духа и инстинктов, в ожидании последнего поцелуя.

Смерть – последний любовник!

Библиотека Анархизма Антикопирайт

Рензо Новаторе Славься, жизнь! 1920

Скопировано 23.06.2020 с https://www.chaosss.info/novatore/ Перевод по *Renzo Novatore, "Let's Exalt Life!"* (Итал. текст: «*Iconoclasta!*», Том I, Выпуск 8, 1920 г.)

ru.theanarchistlibrary.org